

«Какая я Арефьева? Я Оля!»

Лидер группы «Ковчег» не общается с одноклассниками, не слушает музыку и не поёт тет-а-тет

Яна БЕЛОЦЕРКОВСКАЯ
Анна ОСИПОВА

Наша встреча с Ольгой Арефьевой должна была состояться за час до концерта её группы в Екатеринбурге — но не сложилось. Арефьева заснула в гримёрке на сдвинутых стульях: накануне она с аншлагом дала большой концерт в Челябинске, затем — бессонная ночь в дороге, снова настройка аппаратуры, репетиция, аншлаги... Пообщаться удалось только на следующее утро. Пили чай. Ели хлеб («Чем богаты...»). Говорили. Ольга сидела у окна съёмной квартиры, за которым — огромный декорацией — Екатеринбург. Город, в который она, уроженка Верхней Салды, теперь возвращается только на гастроли.

— Вы два года проучились на физическом факультете УрГУ, а потом поступили в музыкальное училище. Почему?

— Как только понимаешь, что сделана ошибка, надо исправлять. У нас в школе проводили тестирование в целях профориентации. У меня обозначились склонности «человек-художественный образ». Конечно, это правда! Только какие профессии предлагались? «Продавец в художественном салоне». Даже не было намека на профессию актёра, например. Чтобы не давать надежд, наверное, они же лишние? Родители получили университетское техническое образование. Они, конечно, хотели, чтобы я пошла по их стопам. Мысль о музыке вообще не допускалась. Убеждали меня, что нужна «нормальная» профессия, а петь можно и на досуге. В школе я легко справлялась со всеми предметами. Но на физике сразу произошёл переход на совершенно другой язык и другой уровень. На лекциях другого много часов подряд списывали формулы, а лектор лишь произносил вслух эти буквы, почти никаких человеческих слов. Группа разделилась на тех, кто в этом плавал как рыба в воде, и тех, кто просто «плавал». Я мужественно сдавала все экзамены и была на хорошем счету. Но меня изнутри изводило сильнейшее ощущение, что я делаю совершенно не то, трачу время, упускаю шансы, ломаю судьбу. Пришлось объяснить, почему я хочу уйти. И мне даже пошли на встречу: я взяла документы, но могла вернуться в университет, если бы не поступила.

— Много в вашей нынешней жизни людей из Свердловска?

— Не осталось особо. Звоню, когда приезжаю, своему педагогу — Валерию Борисовичу Гуревичу. Я не сторонник того, чтобы регулярно всем близким и дальним рассылать открытки. И встречаться только ради того, чтобы засвидетельствовать почтение.

— С одноклассниками тоже не встречаетесь?

— Они приезжали как-то на концерт в «Шелкунчике» целой компанией, подошли ко мне — это был хороший момент. Да, пообщались, посмотрели друг на друга. Но на вечер встречи одноклассников я, конечно, не поеду. Мне совершенно не важно, сколько человеку лет, каков его социальный статус, из какого он города. Главное — смысл встречи: может быть, мы одни и те же вопросы сейчас обдумываем. В этом смысле Интернет — хорошая вещь. Постоянно я общаюсь по переписке с совершенно незнакомыми людьми. Это совсем не то, что «Да ты че, мы ж с тобой в колхозе были!» Кстати, вообще-то недавно в Челябинске после концерта мы долго гуляли и разговаривали с одним знакомым по университетскому колхозу. На карточке он был заводилой, пел «колхозные» песни, и все за ним воодушевлённым хором. По вечерам происходили такие коллективные радения, общий экстаз — и это после тяжелой работы, недосыпа, килограмма грязи на каждом сапоге и мокрой одежды. Потом на волне борьбы с пьянством его из универа выгнали. Никакой карьеры он не сделал, ничего не добился по житейским меркам. Но вот встречаю — живой и настоящий. Не спился, не погиб, не стал обы-

Каждый концерт Ольги Арефьевой сопровождается элементами пластического искусства

вателем. И нам было о чём поговорить.

— Вам не приходилось быть таким заводилой?

— Я вообще не компанейская, не тот человек. Да, всегда просили сыграть что-нибудь. У людей есть стереотип: человек с гитарой = душа компании. Или как в фильмах: «Ах, Роза сейчас споёт для гостей! Ах, Роза, спойте! Мы все аллюдируем!» И Роза, зардевшись, встает и начинает петь романс. Вот это — абсолютно не моя история. Для меня песня — хрупкий, особый, где-то даже религиозный акт. Поэтому и важные соответствия ситуации и дистанция от обыденности. Я не пою человеку прямо в лицо, мне сложно это сделать в компании. Вот если мы будем все вместе петь — другое дело. На деле это не я пою людям, а мы вместе обращаем внимание на «прекрасное далекое».

— А на концерте?

— На концерте происходит некая мистерия, совместный вылет в несказуемые сферы. Знаете, между концертом и службой в церкви есть что-то общее: и там, и там возникает соборность.

— Как в вашей же песне: «Вместо концерта пою молитву»...

— Да. «Путала жесты: захлопать или перекреститься» — строчка из моей книги про Ефросинью.

— В песне «Асимметрия» есть фраза: «Я — мешанина из женщины и мужчины». Сегодня такая андрогинность довольно часто встречается у поэтов. К вам это относится?

— Да, я заметила, что у меня процент песен, где я пою от мужского лица, очень большой. Я не играю в переодевания, просто иногда ощущаю себя говорящей от лица той и другой энергии. При этом, безусловно, являюсь женщиной. Наш мир — это взаимодействие мужской и женской энергии. То, что мужчины и женщины вынуждены вечно друг за другом бегать, делает жизнь очень беспокойной. Кто-то пошутил, что разделение на мужчин и женщин — лучшее изобретение для шоу-бизнеса. Но на каком-то уровне развития человек должен стать цельным, перестать быть половинкой. Разные пути к этому есть. Мне кажется, мужская и женская энергии могут передаваться через расстояние, время и даже миры. На каком-то уровне — уже безлично. Это не переодевание мальчика в девочку. Это приподнятые над гендерной парадигмой. И оно ни в коей мере не означает ненависти к человеческой сексуальности. Напротив, это очень зрелое её понимание.

— Вы осваиваете новые техники или новые инструменты в музыке?

— Нет такой цели — освоить как можно больше инструментов. Всегда есть какая-то практическая задача. Скажем, без гитары я бы не смогла, надо на чём-то играть, когда сочиняешь песни. В училище и институте был предмет «об-

щие фортепиано», я в целом поняла, как на нём играть, но, конечно, я не пианистка.

— Вы не только поёте, но и занимаетесь пластическим искусством. Основали театр «Калимба». А когда вы начали заниматься движением?

— По-хорошему, должна была начать в детстве, но этого не случилось. Я помню, как лет в шесть в Верхней Салде меня отвели в балетный кружок ДК имени 1 Мая. Там преподавательница начала на меня орать. Делаем плие, и она: «Садись как на горшок!» Я попала не на первый урок, а она, видимо, объяснила всё раньше. И мне это так не понравилось, что я больше туда не пришла. Но на самом деле сейчас жалею. Неправа была преподавательница, надо было чуть-чуть помягче ввести в этот мир и объяснить, как делать, прежде чем чего-то требовать. Ещё у нас там был цирковой кружок, я как-то заглядывала в двери — но мне даже в голову не пришло пойти туда, казалось — это что-то странное, далёкое. А сейчас думаю: сколько бы полезного я там узнала! И вовремя, а не потом, когда уже сложно учиться таким вещам.

— Выбираетесь на чужие концерты?

— Очень трудно меня затаскать на концерт. Почти невозможно. Но вот на одного культурного артиста недавно затаскали. Он был в ударе, прекрасный свет и звук... Народ визжит, а я чужая на этом празднике жизни. Сидю и думаю: «Ну почему мне так скучно?» Долго шёл концерт, долго я всё это обдумывала. Многие вещи совсем стали неинтересны, особенно часто употребляемые музыкальные гармонии и мелодические ходы.

Но бывают радостные впечатления от того, что связано с визуальными искусствами, например — театром и танцем, дизайном, рисунком. У меня есть блог в Живом Журнале «калдана». Там я собираю видеоролики — танцевальные, визуальные, иногда цирковые. Ещё поменьше увлекаюсь книжной иллюстрацией — смотрю работы иллюстраторов, дизайнеров, художников, сама начала рисовать.

— А как это произошло?

— Мне понадобилось иллюстрировать свою книгу. Пришлось задумываться до некоторых очевидных вещей, чтобы понять, как это делается. Разобраться с технологией. И я нарисовала 500 картинок за несколько месяцев. Оказываются, я раньше просто неправильно подходила к вопросу! Пыталась взять «из головы» и нарисовать. Получалось крииво. А надо было просто делать больше попыток! Ещё моей начальной ошибкой было то, что я сразу рисовала гелевой ручкой, которая не позволяет вносить исправлений. Оказываются, надо взять карандаш, ластик и главное — смотреть на натуре. Вот такой секрет Полишинеля. Только не смеяться.

— Это будет книга детских стихов?

— Да. Я просто пишу стихи, и некоторые получаются детскими. Один мой друг правильно подметил: это не специальные стихи для детей, а стихи внутреннего ребёнка. Я пишу абсолютно от себя.

— Ещё одна интересная грань вашего творчества — одностийность. У вас вышла книга... Будут ли ещё?

— В изданной книге — тысяча, и я решила, когда наберётся ещё тысяча, издам вторую книгу. Я написала ещё девятьсот одностийных — они лежат у меня в секретном файле. Только возникновение стихов совершенно непредсказуемо. Я не пишу специально, они сами по себе возникают — в речи, в разговорах. Наберётся тысяча — начекаем.

— А любимые авторы у вас есть?

— Совсем в юном детстве любимым писателем был Маршак. Стала постарше, влюбилась в книгу «Колыбель для кошки» Курта Воннегута. Печерчила её много раз — чем-то она меня цепляла. Крапивина в детстве любила. Нашла его книги в библиотеке и всё подряд прочла. Почему-то никто вокруг его не знал. Помню рисунки Евгении Стерлиговой к его повестям в журнале «Уральский следопыт». В детстве и юности я читала художественную литературу, а сейчас заметила, что у меня в основном «учебники» — книги по психологии, эзотерике, научные статьи. Или уж сказки. Лучшие книги мира — это, по моему, про Винни-Пуха, Алису, муми-троллей.

— Вы храните записки из зала?

— Записок много. Но, нет, я не храню их. Открою секрет — дома у меня есть специальный бумажный пакет. Я туда складываю билеты на спектакли, черновики стихов, любовные письма, записки, открытки, программы концертов. И периодически, когда этого много накопилось, в торжественной обстановке сжигаю — где-то на природе складываю в костёр. Выборочно перечитываю, прежде чем сжечь, иногда даже из огня достаю, читаю и... кладу обратно в огонь. Нужно «обнуляться». Но это не означает, что для меня это не ценно. Я всё сохраняю где-то внутри, а избавляюсь только от материального носителя. На концерте хочется диалога, за этим и нужны записки, чтобы не в одну сторону шла информация. На гастролях я почти всегда всегда после концерта в холл, к зрителям, чтобы пообщаться. Это как фокус с разоблачением — чтобы люди могли посмотреть поближе, увидеть прыщик на лбу, пересохшие губы, усталость под глазами. Чтобы не было подмены живого человека образом. На сцене, безусловно, должно происходить волшебство. А в жизни ты остаёшься обычным человеком.

— Есть поклонники, которые постоянно ездят за вами?

— В основном, все они уже успокоились, социализирова-

лись: я от них не бегая, но и прямо не контактирую. Просто ходят на концерты. Но бывают довольно опасные вспышки. Не помню, в каком городе, мужик после концерта привалился: «Я тебя везде достану! Я за тобой поеду! Я тебя найду!». Мы от него вроде бы отбились. А потом, когда все зрители уже ушли, охрана ушла, он вдруг врывается в гримёрку. Меня мой директор прикрыл — он парень дождливый... Пока он с ним разбирался, мы смылись. Конечно, это неприятно.

— Где уютнее выступать?

— Полуподвальные клубы, тёмные, тесные и плохо оборудованные места, честно сказать, весьма не люблю. Но часто бывают ситуации, когда без них не обойтись: в цепочке городов куда-то есть нормальные залы, а где-то приходится идти на компромисс и мне, и зрителям. Иначе печка порухится, или куда-то мы просто не приедем. А потом говорят: надо же, такие зрители приличные на вас пришли, мы их тут и не видали. Получается, мы встречаемся в неприличном месте, потому что пока нет другого варианта. Как любовники, которые встречаются где-то в гостинице.

— Во время концерта вы следите за реакцией зала? Видите лица, слышите?

— Безусловно, я опираюсь на реакцию зала, она мне очень нужна. Если в зале с самого начала есть несколько людей с искренними улыбками, это очень хорошо. Между нами как будто мячик начинает летать. Конечно, я не рассматриваю зрителя, вижу их только в очень общих чертах, как ступки настроения. Я играю с реакцией зала, управляю ею, но процесс это очень и очень взаимный. Я не настолько хорошо владею своей психикой, чтобы делать хорошую мину при плохой игре. Мне очень трудно выйти к равнодушным зрителям.

— Такое бывало?

— Нас однажды на какую-то конференцию пригласили выступить. Всё вроде хорошо — и много заплатили, и вкусно накормили, и аппарат поставили, и свет повесили... Выхожу и вдруг вижу, что этим людям ничего от фиг не нужно — ни я, ни концерт этот. Отвратительные воспоминания. Ты вроде поёшь, но кланьешься себе, что никогда в жизни в подобную ловушку не попадёшь. Для меня нормальный концерт — это когда всё настоящее. Люди пришли на меня, купили билеты, то есть мотивированы и подтвердили своё намерение. Концерт — совместное действие, как ни крути. Быть нагрузкой к конференции — абсолютно бессмысленное занятие.

— Случалось забывать текст песни на сцене?

— Да. Вчера на концерте, кстати, неожиданно забыла слова: переносила стул и ножкой сильно стукнула, ссадина осталась. Сильная боль, а через секунду я, мило улыбаясь, выхожу на авансцену и начинаю замечательно петь. И вдруг че-

рез две строчки — провал, а там никогда не было проблем. Такие вещи, как и вспышки фотоаппаратов, дают не мгновенную реакцию, а через несколько секунд. Когда у меня умерла мама, я об этом узнала в день концерта. Это одно из самых ужасных воспоминаний в жизни. Я несколько лет его выбивала и до сих пор не излечила. Но был концерт, и я должна была выйти на сцену: ЦДХ полный, люди купили билеты, ждут праздника. Возможен разговор со своей психикой: надо боль отложить. Нельзя убрать её совсем, потому что ты живой человек. Но можешь отложить эту боль, и больнее тебе можешь отложить. В Одессу как-то привезли моё мокрое тельце с температурой 39, которое еле стояло на ногах. И при этом надо играть — люди пришли. В таких случаях выпиваешь шипучую таблетку — и вперёд. Хотя обычно я не лечусь таблетками. В момент выхода на сцену соли прекращаются, высокая температура исчезает, остаётся только лёгкая слабость. Волшебная сила искусства называется, это все артисты знают. Только потом приходится продолжить болеть с того же места.

— Что в современном искусстве вас может удивить?

— Должно состояться чудо. Как? Как хочешь. Техникой ли, личным обаянием, сюжетом ли, светом. Сделай чудо, хоть из картона вырежь! Если зритель попал с тобой в той волшебный мир — ты молодец. Не попал — гуляй, учись дальше. И тут, конечно, всё важно. И техника, и декорации, и театральные инструменты — свет, дым, ветер, тени, отражения... Но даже многие знания не гарантируют успеха. Может случиться, что вы посмотрите грандиозное шоу и выйдете на улицу такими же, какими пришли, только поставившими на два часа. Но на маленькую сцену выйдут человек с бумажной куколкой и обломком на ниточке — и вы заплачете...

— Ваши концерты — это наполнови театральные постановки. Есть человек, который отвечает за костюмы?

— Этот человек — я. Почти к каждому концерту придумываю новые костюмы. Источники — блошиные рынки, театральные реквизиты. Там попадаются как раз наиболее разнообразные и неожиданные вещи, каких не встретишь на каждом проходе. Сшить могу, но обычно не с нуля, а из чего-то переделат, доделат, размеры подогнать... Больше придумываю, подбираю, трансформирую.

— Песня «Асимметрия» попала в топ «Нашего радио». Это важно для вас?

— Конечно, когда крутят по радио, сразу улучшается концертная ситуация. Творческому продукту нужна медийная поддержка. Другое дело, что взаимодействовать с массой надо аккуратно — не ходить по каким-то дурным токшам. Я хожу только на те передачи, где разговор пойдет о реальной музыке. Хорошо, конечно, что на «Наше радио» взяли «Асимметрию». С таким же успехом можно было взять почти любую из наших новых песен. Песня сразу же стала знаменитой, хотя выпустили мы её на альбоме за три года до того. У нас, получается, народ всё же очень ведем... Вроде бы вся информация в открытом доступе, но пока не крутят по радио, тебя многие не слышат.

— Что цените в людях? Искренность?

— Хам, вообще-то, тоже искренен. Но если человек искренне искренне сливает на другого свои негатив и невоспитанность, вряд ли это замечательно. Надо учиться как-то беречь друг друга, не переносить на других субъективные отрицательные эмоции. Потому что в глазу у каждого стекла, в общем-то, криво. Оно состоит из собственных интерпретаций, часто совершенно нелепых. Нужна внутренняя честность. Я очень ценю в людях умение работать со своими эмоциями (мне его не хватает). И ещё умение всё время обновлять свою картинку мира. С миром надо все время прощаться, отпускать его — и при этом заново встречаться, знакомиться, общаться, играть и танцевать. Тогда мы можем быть более открытыми.

Ольга Арефьева не любит давать автографы. Вместо этого она изготовила специальный штамп и ставит печати

ДОСЬЕ «ОГ»

Ольга Викторовна АРЕФЬЕВА
Родилась 21 сентября 1966 года в Верхней Салде.
В 1983 году переехала в Свердловск, поступила на физический факультет УПИ. Через два года забрала документы и поступила в Свердловское музыкальное училище имени П. И. Чайковского по классу эстрадного вокала.
В 1987 году стала лауреатом Всесоюзного конкурса «Юрмала-87».
С 1990 года живёт в Москве, где создала группу «Ковчег».
В 1995 году закончила институт им. Гнесиных по классу эстрадного вокала (обучалась у Льва Лещенко).
В 1999 году по инициативе Алексея Дидурова как победительница конкурса поэтов принята в Союз писателей Москвы.
Автор более 400 песен.

Родители Ольги учились в Саратовском университете. Маму — краснодипломницу — отправили в Верхнюю Салду по распределению, папа поехал с ней

Блиц-опрос

— Какую книгу сейчас читаете?
— Обычно я читаю сразу не один десяток книг, и не все дочитываю. Но иногда, читая, начинаю заново, ещё и возвращаюсь не по разу. Кстати, я веду рассылку «Заповедник бумажного тигра» об интересных и важных книгах, посылаю туда свои рецензии.

— Цель в жизни?
— Я не подпитываю себя какими-то амбициями — у меня не то устройство. Принимаю от жизни её вызовы и предложения, когда они возникают. Цели бывают локальные — дописать альбом, дореддактировать книгу, подготовить концерт. Вообще, цель, наверное, — прожить жизнь с хорошим КПД.

— Много спите?
— Гени спят мало, но я люблю поспать... Значит, я — не они (смеётся).

— Есть любимый плей-лист?

— Нет, я вообще перестала слушать музыку, по крайней мере, — фоном. Если слушаю, то внимательно, как инфо-мацию. Каждый раз разную и неизвестную.

— Любимые фильмы?

— Меня так долго уламывают посмотреть какой-нибудь фильм... И в девяносто процентов случаев через минуту я говорю: «Всё, выключите это!». Но недавно Бастера Китона пересматривала, Чарли Чаплина.

— Последнее событие в вашей жизни, которое можно назвать чудом.

— Для меня каждый концерт — чудо. Серьёзно.

«Одностийша»

● Какая я Арефьева? Я Оля!

● Не шлёт ответа клуб самоубийц...

● Нет, это не едят, им руки вытирают!

● Когда наш — не шпину, а разведчик!

● Гордыней не страдал, а наслаждался!

● Не прерывай меня на полусло...!

● Не йог я. Так, выживаю просто.

● Нет, я не грустная. И я не Лена.

● Ты выдаёшь жемчужины марзам!.

● Куда ты наливаешь — это бонги!

● Да нет, мы рады, что вы, блин, сюда припрёблись!

● У нас хоронились такие клиенты!

● Простите, удобно примкнуть к вашей драке?

● А где указ, о чём нам можно думать?

● В живот мне плакал, а потом сморкался.

Группа «Ковчег», 1991 год: Владимир Симбирцев, Ольга Арефьева, Людмила Кикина и Антон Котлов. Сейчас группа играет в другом составе